

«Синдром Мюнхена» и «Синдром 22 июня» в происхождении холодной войны

М. М. Наринский*

По окончании Второй мировой войны представления политических руководителей различных государств и массовая психология находились под сильным воздействием памяти о войне, в частности, о ее происхождении и начале. Для Запада были важны воспоминания о Мюнхене. Мюнхенская конференция (29–30 сентября 1938 года) стала апогеем и символом политики умиротворения нацистской агрессии со стороны Англии и Франции. Их лидеры согласились удовлетворить территориальные притязания Гитлера за счет передачи Германии значительной части территории Чехословакии, вынудив Прагу пойти на роковые уступки. Советский полпред в Париже Я. З. Суриц в телеграмме от 22 октября 1938 г. сообщал в Москву: «В том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей нанесено было страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз»¹. Известный французский историк Ж.-Б. Дюрозель писал: «Конференция в Мюнхене принесла в жертву целостность Чехословакии во имя того, что сторонники „политики умиротворения“ называли „делом мира“. Это было в первую очередь творением Чемберлена, за которым с гораздо меньшей убежденностью следовал Даладьё. Единственным результатом было то, что силовую акцию Гитлера было решено любым способом заменить юридической фикцией, всего лишь фикцией, поскольку согласились почти на все его требования, не консультируясь с Чехословакией, основным заинтересованным. Эта фикция была основана на убеждении, что Гитлер выполняет подписанные им договоры, и что его притязания ограничиваются аннексией стран, населенных немцами»².

Мюнхенские соглашения обернулись серьезным просчетом, а весь курс на умиротворение нацист-

ской Германии — крахом. США в этот период проводили политику невмешательства. Американский политолог Кр. Лэйн позднее утверждал: «Для творцов американской послевоенной политики Мюнхен казался доказательством того, что для тоталитарных государств характерна ненасытная агрессивность, что мир неделим, что агрессии необходимо противодействовать повсюду, и что «умиротворение» (трактовавшееся как любые результативные дипломатические контакты с тоталитарной властью) всегда является сумасшествием»³. Одновременно осуждалась и политика невмешательства, проводившаяся Соединенными Штатами в период подготовки Второй мировой войны. Аналогии между возникновением Второй мировой войны и холодной войны (правильные или неверные) приводили Вашингтон к выводам об отсутствии принципиальных различий между политикой нацистской Германии и Советского Союза, между Гитлером и Сталиным.

Сравнения сталинской политики с политикой Гитлера проходили красной нитью через рассуждения американских деятелей в период формирования послевоенного международного порядка. Американский посол в Москве (1945–1946 гг.) А. Гарриман склонялся к признанию схожести сталинской политики в Восточной Европе с экспансионистской политикой Гитлера в этом же регионе⁴. В апреле 1945 года он подчеркивал в аналитической депеше в госдепартамент: «Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что советская программа направлена на утверждение тоталитаризма и отрицание личных свобод и демократии в нашем понимании»⁵. Осенью 1945 года, как отмечает профессор В. О. Печатнов, мотивы и характер советской внешней политики однозначно трактовались в Пентагоне по аналогии с нацист-

* Михаил Матвеевич Наринский — д. и. н., профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

ской угрозой: СССР стремится к «доминированию над Евразией и стратегическими подступами к ней», а «многие аспекты внешней и внутренней политики Кремля разительны напоминают политику Гитлера перед Второй мировой войной»⁶.

Что касается президента Г. Трумэна, то он написал в свой дневник в мае 1945 года: «У меня нет доверия к любому тоталитарному государству, будь то русское, германское, испанское, аргентинское или японское. Они все исходят из неверной предпосылки, что ложь оправдана, и что старая опровергнутая формула иезуитов — цель оправдывает средства — верна, и она необходима, чтобы удерживать власть»⁷. В ноябре 1946 года он еще более определенно высказался в письме своей матери и сестре. Трумэн писал по поводу состоявшегося визита В. М. Молотова в Вашингтон: «Он представляет тоталитарное государство — полицейское правительство. В действительности, нет разницы между тем правительством, которое представляет Молотов, и тем правительством, которое представлял царь, или тем правительством, от имени которого выступал Гитлер»⁸. При таких установках советской экспансии и наращиванию советского влияния необходимо было противодействовать повсюду.

Следовательно, США были призваны противостоять СССР в глобальном масштабе, осуществлять его «сдерживание» всеми средствами, включая военные. По мнению американского аналитика К. Лэйна, «Мюнхен стал кульминацией пяти лет глупости — половины десятилетия, когда британцы оставались слепы в отношении германской угрозы, игнорируя при этом важную роль военной силы во внешней политике»⁹. Другой американский эксперт Джед Снайдер подчеркивал: «Урок Мюнхена заключается не в соглашении самом по себе, а в отказе Европы принимать германскую угрозу всерьез. Главным образом потому, что позиция Чемберлена (в меньшей степени это относится к Даладье) исключала возможность европейской военной реакции на политику установления германской гегемонии»¹⁰. Д. В. Ларсон пришла к выводу, что «результаты политики умиротворения в тридцатые годы убедили Трумэна в том, что только твердое намерение использовать преобладающую силу может сдерживать агрессоров»¹¹. Уроки Мюнхена побудили американских руководителей в процессе формирования послевоенной системы международных отношений избрать политику «сдерживания» в различных регионах земного шара с опорой на внушительную военную мощь США.

Некоторые эксперты утверждали, что именно уроки Мюнхена лежали в основе американской «концепции домино». «Глобальному сдерживанию не удастся различать между жизненно важными и периферийными интересами, — отмечал Кр. Лэйн. — Глобальное сдерживание диктует то, что Америка должна противостоять коммунизму повсюду, поскольку оно полагает, что Америка подвергается

угрозе в результате любого продвижения коммунизма»¹². Весьма характерно высказывание президента Линдона Джонсона в связи с втягиванием США во вьетнамскую войну: «Мы усвоили в Мюнхене от Гитлера, что успех только подпитывает аппетиты агрессора. Схватка будет возобновлена после одной страны в другой стране»¹³. Однако позднее американские политологи признавали, что попытки применить уроки Мюнхена в джунглях Вьетнама основывались на неверных аналогиях¹⁴.

Правда, среди американских политиков и экспертов звучали трезвые голоса, предостерегавшие от упрощенного сравнения гитлеровской и сталинской внешней политики. Весьма характерное утверждение содержалось в хорошо известной «длинной телеграмме» Кеннана: «Советская власть, в отличие от власти гитлеровской Германии, не является ни схематичной, ни авантюристической. Она не следует жестко установленным планам. Она не рискует без необходимости. Невосприимчивая к логике рассуждений, она весьма восприимчива к логике силы. По этой причине она может легко ретироваться — что она обычно и делает — в любой момент, когда встречает сильное сопротивление»¹⁵.

К тому же Сталин был прекрасным актером. Он предпочитал играть роль «доброего полицейского», оставляя Молотову роль «злого полицейского». Президент Трумэн и государственный секретарь Бирнс в 1945 году считали его «благоразумным государственным деятелем, заинтересованным только в сохранении всеобщего мира», в отличие от Молотова, с которым было совершенно невозможно иметь дело. Во время Лондонской сессии СМВД (11 сентября — 2 октября 1945 г.) Бирнс утверждал: «Если бы Молотов занял место лидера, он повел бы Россию по тому же пути, по которому Гитлер вел Германию, а Муссолини Италию». Объясняя эту странную аналогию, госсекретарь отметил: «Молотов пытался методами „ловкого вора-карманника“ добиться того, что Гитлер стремился совершить, устанавливая господство над малыми странами силой»¹⁶.

На самом деле В. М. Молотов неизменно выполнял директивы «хозяина», даже если был с ними не очень согласен. Рассуждая о советской кампании 1945–1946 годов за пересмотр режима черноморских проливов, установленный конвенцией в Монте, Молотов говорил: «Я ставил вопрос о контроле над проливами со стороны нас и Турции, Считаю, что эта постановка вопроса была не совсем правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 году, после окончания войны. Проливы должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело. Сталина я считаю замечательным политиком, но у него тоже были свои ошибки»¹⁷.

Потребовалось немало времени, чтобы американские политологи признали: Советская Россия — это не нацистская Германия. Советская внешняя

политика была скорее традиционной внешней политикой великой державы. «Конечно, советские лидеры (включая и Сталина в сфере внешней политики) не были похожи на Гитлера», — утверждал в конце 1980-х годов уже цитировавшийся Кр. Лэйн¹⁸. Вместе с тем в контексте формирования нового мирового порядка после Второй мировой войны уроки Мюнхена подталкивали американских политиков и экспертов к далеко идущим расширительным выводам. Тот же Кр. Лэйн позднее утверждал: «Мюнхен привел к заключению, что Америка несла ответственность за навязывание мирового порядка через трансформацию внутренних политических структур недемократических государств. Мюнхен научил, что безопасность Соединенных Штатов может быть реально обеспечена только в идеологически благоприятной международной среде»¹⁹. Отсюда оставался один шаг до насильственного насаждения демократии американского образца в различных регионах земного шара.

Внушительная мощь США на выходе из Второй мировой войны в соединении с верой в американскую исключительность и с решительным отказом от политики невмешательства периода Мюнхена способствовали возникновению холодной войны. Работающий в Великобритании исследователь Владислав Зубок отмечает: «Многие историки согласны в том, что Соединенные Штаты взяли на себя роль сверхдержавы не только в ответ на политику советских властей, но и в соответствии с собственными представлениями о будущем устройстве мира. Программа построения «свободной и демократической» Европы и сдерживания коммунизма, составленная в духе Вудро Вильсона и подкрепленная атомной монополией, а также финансовой, промышленной и торговой мощью Соединенных Штатов и характер международных отношений»²⁰. Тем самым США внесли свой весомый вклад в формирование системы биполярной конфронтации.

Пожалуй, еще большее влияние гитлеровская агрессия оказала на представления и психологию советских руководителей, и в первую очередь И. Сталина. Он обладал сильным, но крайне жестоким умом, мрачным и мстительным характером, ему была присуща болезненная подозрительность. Как отмечает В. Зубок, в области внешней политики Сталин еще с 1930-х годов сосредоточил все свое внимание «на вопросах безопасности СССР и его расширении»²¹.

В рамках этой парадигмы Сталин договорился с Гитлером в 1939 году (пакт о ненападении с секретным протоколом). Советское руководство тщательно выполняло политические и экономические обязательства по соглашениям с Германией. Поэтому-то «Сталин воспринял внезапное нападение Гитлера на Советский Союз как исторический и свой личный провал»²². Советские руководители охотно говорили о «вероломном нападении гитлеровской Германии». Но что означало «вероломное нападение»? Ведь ру-

ководство нацистской Германии официально заявило о начале войны против СССР и в Берлине, и в Москве (может быть, с некоторой задержкой). Лучше понять логику Сталина позволяет его высказывание в разговоре с Димитровым в Кремле рано утром 22 июня 1941 года: «Немцы напали, не предъявляя никаких претензий, не предлагая никаких переговоров, напали подло, как разбойники»²³. Ясно, что Сталин рассчитывал на переговоры с Гитлером, на то, что ему удастся оттянуть начало войны. Не получилось! Советский лидер находился в состоянии шока. У него сформировался своеобразный «синдром 22 июня» — стремление предпринять все возможные и невозможные усилия, чтобы не допустить повторения трагедии июня 1941 года.

Советское руководство стало еще более энергично бороться за обеспечение безопасности СССР. Необходимые гарантии советской безопасности были четко изложены Сталиным в его беседе с британским министром иностранных дел А. Иденом 16 декабря 1941 года в Кремле. Советский лидер изложил свое видение общей реорганизации европейских границ после войны. Что касается гарантий безопасности СССР, то на первый план он выдвинул требование восстановления советских границ, «как они были в 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 г., Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину». Граница СССР с Польшей могла бы идти примерно по «линии Керзона». Сталин добивался передачи Советскому Союзу Петсамо. «Далее Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы... На севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, то есть Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы». Сталин настаивал на неотложном решении ряда вопросов, «которые касаются интересов безопасности только наших двух стран»²⁴. В английской записи беседы Сталина с Иденом 18 декабря имеется характерное утверждение кремлевского диктатора: «Все, что мы просим — это восстановить нашу страну в ее прежних границах. Мы должны получить это для нашей безопасности и отсутствия угрозы, например, для Ленинграда»²⁵. В. Зубок и К. Плешаков в их совместной работе отмечали: «Концепция территориальной безопасности была краеугольным камнем режима»²⁶.

Эта же тема — необходимость обеспечить безопасность СССР — неизменно звучала в ходе бесед В. Молотова с британскими руководителями в мае 1942 года. Повторив требование восстановления советских границ на июнь 1941 года, Молотов подчеркнул: «Вопрос об обеспечении безопасности СССР —

это не просто вопрос о границах СССР. Возникнут ли другие вопросы об обеспечении интересов безопасности — это дело будущего. Но важно признать интересы безопасности СССР в Финском заливе и в северо-западной части Черного моря, тем более, что эти районы были плацдармом для гитлеровского нападения на СССР»²⁷. «Синдром 22 июня» проявлялся в советской позиции в полной мере.

Британская сторона уклонялась от конкретных обязательств в отношении гарантий безопасности СССР. Молотов предлагал даже отклонить английский проект договора о союзе и послевоенном сотрудничестве. Однако Сталин с ним не согласился. Он телеграфировал У него сформировался своеобразный «синдром 22 июня» — стремление предпринять все возможные и невозможные усилия, чтобы не допустить повторения трагедии июня 1941 года.

Советское руководство стало еще более энергично бороться за обеспечение безопасности СССР. Необходимые гарантии советской безопасности были четко изложены Сталиным в его беседе с британским министром иностранных дел А. Иденом 16 декабря 1941 года в Кремле. Советский лидер изложил свое видение общей реорганизации европейских границ после войны. Что касается гарантий безопасности СССР, то на первый план он выдвинул требование восстановления советских границ, «как они были в 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 г., Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину». Граница СССР с Польшей могла бы идти примерно по «линии Керзона». Сталин добивался передачи Советскому Союзу Петсамо. «Далее Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы... На севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, то есть Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы». Сталин настаивал на неотложном решении ряда вопросов, «которые касаются интересов безопасности только наших двух стран»²⁸. В английской записи беседы Сталина с Иденом 18 декабря имеется характерное утверждение кремлевского диктатора: «Все, что мы просим — это восстановить нашу страну в ее прежних границах. Мы должны получить это для нашей безопасности и отсутствия угрозы, например, для Ленинграда»²⁹. В. Зубок и К. Плешаков в их совместной работе отмечали: «Концепция территориальной безопасности была краеугольным камнем режима»³⁰.

Эта же тема — необходимость обеспечить безопасность СССР — неизменно звучала в ходе бесед В. Молотова с британскими руководителями в мае 1942 года. Повторив требование восстановления со-

ветских границ на июнь 1941 года, Молотов подчеркнул: «Вопрос об обеспечении безопасности СССР — это не просто вопрос о границах СССР. Возникнут ли другие вопросы об обеспечении интересов безопасности — это дело будущего. Но важно признать интересы безопасности СССР в Финском заливе и в северо-западной части Черного моря, тем более, что эти районы были плацдармом для гитлеровского нападения на СССР»³¹. «Синдром 22 июня» проявлялся в советской позиции в полной мере.

Британская сторона уклонялась от конкретных обязательств в отношении гарантий безопасности СССР. Молотов предлагал даже отклонить английский проект договора о союзе и послевоенном сотрудничестве. Однако Сталин с ним не согласился. Он телеграфировал своему наркому в Лондон: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»³². В этой телеграмме Сталина отразилась характерная особенность его подходов к вопросам внешней политики после Второй мировой войны. Это была ставка на силу при решении сложных международных проблем. Хорошо известна его реплика на замечание Черчилля в Москве в октябре 1944 года о позиции папы римского по польскому вопросу: «Папа римский! Папа римский! А сколько у него дивизий?». В отличие от США Советский Союз опирался, прежде всего, на военно-политические методы обеспечения своей безопасности.

«Синдром 22 июня» диктовал упорную борьбу Кремля за выгодные границы и за расширение советского пояса безопасности, трактовавшегося в Москве как сфера влияния СССР. Максимальные геополитические запросы СССР предусматривали пересмотр режима черноморских проливов и обеспечение выхода СССР в Средиземное море, получение контроля над опорными пунктами выхода в мировой океан: Додеканесские острова, Триполитания, Эритрея. «Зона безопасности» Советского Союза, по разработкам комиссии М. М. Литвинова, могла бы включать не только всех западных соседей СССР, но и Швецию с Норвегией, а также Турцию. Реализация советских предложений должна была обеспечить СССР преобладающее влияние в регионе Балтийского моря³³. Подобные претензии на расширение зоны советского влияния неизбежно должны были вызывать противодействие США и Великобритании.

Ощущение гарантированной безопасности СССР после войны было поставлено под угрозу появлением у американцев атомной бомбы. Советник-посланник британского посольства Ф. Робертс сообщал в Лондон: «Тень атомной бомбы омрачила наши отношения, и за каждым проявлением англо-

американской солидарности, будь то Болгария или Румыния, правители Советского Союза, доселе уверенные в подавляющей мощи Красной Армии, стали усматривать угрозу англо-американского блока, обладающего этим решающим оружием и потому способного не только лишить СССР плодов победы, но и создать угрозу его с таким трудом завоеванной безопасности»³⁴.

После войны полуопальный М. М. Литвинов критически относился к методам борьбы советского руководства за безопасность страны. В конце июня 1946 года в беседе с американским журналистом бывший нарком выразил свое разочарование избранной внешнеполитической линией СССР. Литвинов говорил об «устаревшем — географическом» понимании безопасности, принятом в Кремле («чем больше у вас пространства, тем безопаснее ваше положение»); о невозможности удовлетворить советское руководство какими-либо уступками³⁵. Литвинов завершил беседу словами: «Теперь я чувствую, что лучшее, на что можно надеяться — это длительное вооруженное перемирие»³⁶. Но это и была холодная война!

При этом политические деятели и эксперты США готовы были в какой-то степени учитывать стремление советского руководства обеспечить безопасность СССР. Д. В. Ларсон отмечала: «Рузвельт признавал, что предшествующий опыт Советов в международной политике — вмешательство союзников в гражданскую войну в России, последовавшую за большевистской революцией, и внезапное нападение Гитлера на его русского союзника в 1941 году — усиливал их недоверие в отношении внешнего мира»³⁷. Американский эксперт Р. Радней обоснованно утверждал: «Можно было предвидеть, что Сталин будет добиваться такого послевоенного политического порядка в Европе, который обеспечит советскую безопасность»³⁸. Но Сталин добивался не просто безопасности, а абсолютной безопасности для СССР! К этому его подталкивал и «синдром 22 июня». Американский историк Войтех Мастны писал: «Победа во Второй мировой войне обещала его стране больше безопасности, чем она когда-либо имела, но все же для него это было недостаточно. Его ненасытное стремление к безопасности стало основной причиной нарастающей напряженности между Востоком и Западом, независимо от его собственного желания и желания его западных партнеров иметь, если уж не сердечные, то хотя бы управляемые отношения. Грядущая холодная война была и неожиданной, и нежелательной; тем не менее, она была предопределена»³⁹.

Возможно, западные партнеры Сталина и готовы были в какой-то мере считаться с требованиями обеспечения советской безопасности. Однако два обстоятельства вызвали их смущение и возмущение. Во-первых, сфера влияния СССР в Восточной Европе устанавливалась чрезвычайно жесткими методами. Сталин использовал при этом такие инструменты как

советские вооруженные силы и органы НКВД, такие методы, как политические репрессии и массовые депортации. Характерно высказывание В. М. Молотова в его беседах с Ф. Чуевым: «Ну что значит „холодная война“? Обостренные отношения. Все это просто от них зависит или потому, что мы наступали. Они, конечно, против нас ожесточились, а нам надо было закрепить то, что завоевано. Из части Германии сделать свою, социалистическую Германию, а Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия — они же были в жидком состоянии, надо было везде наводить порядок»⁴⁰. Эта проговорка Молотова — «то, что завоевано» — отражает отношение сталинского руководства ко всей территории, занятой Красной армией. Впрочем, иного трудно было и ожидать от кремлевского диктатора. Во-вторых, Сталин стремился не только закрепить, но и максимально расширить советскую сферу влияния. Отсюда давление СССР на Турцию и Иран, попытки вклинуться в Восточное Средиземноморье. Поэтому руководства США и Великобритании оказывали жесткое противодействие стремлению Москвы закрепить советскую сферу влияния. Они исходили из вывода: «Уступить в отношении ограниченной сферы влияния в настоящее время означало бы побудить к ее расширению в будущем»⁴¹.

Происхождение холодной войны было обусловлено сочетанием целого ряда факторов: социально-экономических, военных, политических и дипломатических. Свое место в этом комплексе занимали и психологические ингредиенты. Опыт ведения дел с Гитлером способствовал нарастанию недоверия и подозрительности, подпитывавших взаимную враждебность СССР и США. На Западе сформировался своеобразный «синдром Мюнхена». Политика умиротворения и невмешательства категорически отвергалась. При этом проводились упрощенные аналогии между внешней политикой Советского Союза и нацистской Германии, между Сталиным и Гитлером. В результате США стали проводить политику сдерживания коммунизма в глобальном масштабе, постепенно смещая акценты на военное сдерживание. Тем самым закладывались основы политики Запада в холодной войне. Со своей стороны, Сталин испытал сильнейший шок в связи с нападением нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. «Синдром 22 июня» укреплял маниакальную подозрительность Сталина, его стремление добиться абсолютной безопасности для СССР. Усилия советского руководства по установлению максимально выгодных границ страны и формированию широкого пояса безопасности, по существу сферы влияния СССР, порождали первые кризисы холодной войны. Модели послевоенного мироустройства СССР и США строились на принципиально противоречащих парадигмах. Отсюда противостояние СССР и США во всех сферах — холодная война. «Синдром Мюнхена» и «синдром 22 июня» вносили в это противостояние дополнительное ожесточение.

- ¹ Документы внешней политики СССР. Том XXI. М.: 1977. С. 576.
- ² J.-B. Duroselle. Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. Paris, 1978. P. 227.
- ³ Chr. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990. P. 18.
- ⁴ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton, Princeton Univ. Press, 1985. P. 71.
- ⁵ Цит. по: В. О. Печатнов. От союза — к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО, 2006. С. 34.
- ⁶ В. О. Печатнов. От союза — к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО, 2006. С. 95–96.
- ⁷ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton, Princeton Univ. Press, 1985. P. 179.
- ⁸ Ibidem. P. 301.
- ⁹ Chr. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990. P. 14.
- ¹⁰ Jed C. Snyder. Learning the Correct Lessons of Appeasement // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990. P. 9.
- ¹¹ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton, Princeton Univ. Press, 1985. P. 141.
- ¹² Chr. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990. P. 19.
- ¹³ E. C. Ravenal. The Enduring Relevance of Munich // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990. P. 25–26.
- ¹⁴ D. C. Hendrickson. The Significance of Munich // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990. P. 73.
- ¹⁵ Главный противник. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. Составитель и автор вступительной статьи проф. И. М. Ильинский. М.: 2006. С. 86.
- ¹⁶ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton, Princeton Univ. Press, 1985. P. 229.
- ¹⁷ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: 1991. С. 102.
- ¹⁸ Chr. Layne. The Munich Myth and American Foreign Policy // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990. P. 21.
- ¹⁹ Ibid. P. 18–19.
- ²⁰ В. М. Зубок. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2011. С. 85.
- ²¹ В. М. Зубок. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. С. 42.
- ²² V. Zubok, C. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996. P. 19.
- ²³ Г. Димитров. Дневник (9 март — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 235–236.
- ²⁴ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV. М.: 2000. С. 503–505.
- ²⁵ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004. С. 69.
- ²⁶ V. Zubok, C. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996. P. 19.
- ²⁷ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004. С. 162.
- ²⁸ Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV. М.: 2000. С. 503–505.
- ²⁹ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004. С. 69.
- ³⁰ V. Zubok, C. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996. P. 19.
- ³¹ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004. С. 162.
- ³² Там же. С. 157.
- ³³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. В трех томах. Том 2. 1917–2002 гг. М.: 2002. С. 331–332.
- ³⁴ В. О. Печатнов. От союза — к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО, 2006. С. 90.
- ³⁵ Там же. С. 151.
- ³⁶ V. Zubok, C. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge, 1996. P. 38.
- ³⁷ D.W. Larson. Origins of Containment. A Psychological Explanation. Princeton, Princeton Univ. Press, 1985, p 75.
- ³⁸ R. Rudney. Demythologizing Munich: The Uses and Abuses of History // The Meaning of Munich Fifty Years Later. Eds. K. M. Jensen and D. Wurmser. Washington, 1990. P. 46.
- ³⁹ V. Mastny. The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years. New York, 1996. P. 23.
- ⁴⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: «ТЕРРА», 1991. С. 86.
- ⁴¹ J. L. Gaddis. The Long Peace. Inquiries Into the History of the Cold War. Oxford, 1987. P. 53.